ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1974

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

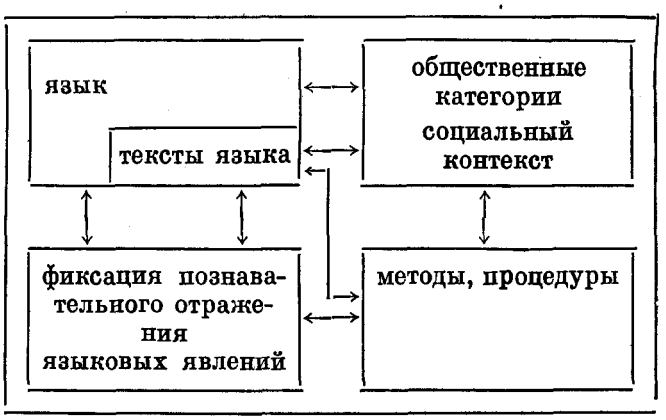
И. КРАУС

К ОБЩИМ ПРОБЛЕМАМ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Большое количество работ по социолингвистике, появившихся в последнее время, отражает значительное разнообразие точек зрения, существующих в этой важной области науки о языке [1]. Этот факт свидетельствует о том, что социолингвистика в настоящее время является скорее набором проблем и их решений, чем прочно устоявшейся дисциплиной с собственным предметом исследования и достаточно разработанной методологией. Подобное положение, однако, вполне понятно, если учитывать, что социолингвистика отражает сущность и функционирование таких сложных и взаимообусловленных явлений, как язык и общество. Лингвистика и социология, на стыке которых вырастает социолингвистика, являются исходными при определении предмета социолингвистических исследований, что можно представить в виде следующей схемы:

1) онтологическая область (язык)

2) гносеологическая область (метаязык)



Таким образом, различаются две основные сферы социолингвистики — (1) сфера отношений между языком и обществом и (2) сфера познавательного отражения языковых фактов с точки зрения социальной дифференциации вступающих в коммуникацию субъектов. Это подразделение полностью соответствует философски обоснованному различению объективной реальности (материальный, онтологический аспект явления) — с одной стороны, и ее отражению в процессе познания (гносеологический аспект) — с другой. Особенностью социолингвистического (как и вообще социологического)

[1] Среди важнейших антологий и библиографий можно привести: «Language in culture and society», ed. by D. Hymes, The Hague, 1964; «Sociolinguistics», ed. by W. Bright, The Hague, 1966; «Readings in the sociology of language», ed. by J. Fishman, The Hague, 1968; «Explorations in sociolinguistics», The Hague, 1966; «Zur Soziologie der Sprache», hrsg. von R. Kjolseth und F. Sack, Köln, 1971; N. D i t t m a r, Soziolinguistik, Frankfurt-am-Main, 1973.

подхода к способам отражения фактов языка является то, что его неотделимой частью являются не только «объективно правильные» суждения и выводы, но также выводы, которые призваны объяснить социальную сущность речи информантов и причины ее отклонения от определенного языкового эталона (стилистические особенности, народная этимология, стремление к языковому традиционализму или, наоборот, новаторству и т. д.). Столкновение «рациональных» (научных) и «нерациональных» (обусловленных традицией) подходов к языку приводит к необходимости широкого использования в социолингвистике разного рода анкет и вопросников.

В этой связи можно попытаться ответить на вопрос, является ли социолингвистика (1) самостоятельной дисциплиной, (2) интердисциплиной или только (3) особым подходом к фактам языка. Варианту (1) противоречит факт, что язык — общественное явление, один из важнейших атрибутов человека не только как индивида, но и — преимущественно — как члена социального коллектива. Всякая лингвистическая теория, стремящаяся к адекватному описанию языковых явлений, должна поэтому обязательно рассматривать язык и с точки зрения социолингвистики. Более приемлемым кажется вариант (3). Термин «подход», однако, на наш взгляд, не вполне оправдан, так как он подразумевает возможность субъективно, по усмотрению того или иного ученого, использовать или не использовать факты социальной стратиграфии языка при исследовании. Наиболее надежным и методологически обоснованным мы считаем вариант (2), т. е. рассматриваем социолингвистику как интердисциплину, которая предполагает существование своего объекта и методологической основы, вытекающих из онтологической и познавательной общности родственных научных дисциплин.

В дальнейшем изложении мы попытаемся вкратце объяснить характер взаимоотношений между отдельными составными частями объекта социолингвистики, стремясь при этом показать исторические истоки современных социолингвистических взглядов. Исторический подход к изучению социолингвистических концепций последних десятилетий может, по нашему мнению, оказаться плодотворным, так как все еще полностью не изучена роль таких важных лингвистических направлений, как советская социальная лингвистика 20 и 30-х годов, идеи пражской школы в области теории литературных языков и функциональных стилей, мысли Т. Фрингса о культурно-историческом фоне языковых изменений французская социологическая школа и т. д., в формировании социолингвистики. Важна, однако, не только теоретическая основа этих направлений, но также и их богатейший опыт в области практической языковой политики, культуры языка и культуры речи.

Представители указанных направлений в лингвистике в своих работах учитывали решающее, хотя и опосредованное влияние общественных отношений и динамики их развития на изменения структуры разных планов языка, в особенности плана лексики. В этом отношении они сближаются с теориями американской этнолингвистики и антрополингвистики, наиболее важной заслугой которых является накопление богатого материала по «экзотическим» языкам и культурам [2]. Отсюда вытекает первая отличительная черта этого направления — преобладающая роль эмпиризма (характеризующая, впрочем, также и всю американскую социологию). Именно этот эмпиризм явился причиной широкого применения в современной социолингвистике таких методов, как полевые исследования, анкеты, вопросники и т. д. Вторая особенность этнолингвистики касается непосредственно объекта исследования. В то время как указанные выше

[2] «Anthropology today» ed. by A. L. Kroeber, Chicago, 1953.

школы (мы будем их условно называть школами социальной лингвистики) исходят из изменений социальной структуры общества и исследуют их отражение в языке, многие этнологи (особенно те, которые продолжают традиции Сэпира и Уорфа) определяющим фактором общественных изменений считают язык, сквозь призму которого фиксируется отношение субъекта к объективному миру, его восприятие мира и общества, определяются статус и функции субъекта в определенной социальной среде. Идеалистическая линия этих взглядов, идущая от работ В. фон Гумбольдта, однако, не ограничивается только упомянутым выше направлением американской этнолингвистики: она проявляется также в более поздних работах Вейсгербера и его последователей, идеи которых близки современной социолингвистике своим стремлением подчеркнуть определяющую роль языка в процессе социального взаимодействия.

Закономерности взаимоотношений общественных и языковых категорий в области языка, согласно Скаличке, Вахку и др. [3], можно свести к трем основным пунктам: а) язык в своей основе стабилен, в данный период своего развития он никогда не изменяется в такой степени, чтобы нарушить возможность взаимного понимания людей; стабильность языка наиболее ярко проявляется в области звукового и грамматического состава и несколько менее в области лексики; б) система языка характеризуется равновесием: любое изменение в языке сразу же вызывает компенсацию на том же самом или на других уровнях языка; отсюда вытекает принцип взаимообусловленности языковых изменений; в) язык развивается обычно в направлении все большего удовлетворения коммуникативных потребностей общества, этот процесс не равномерен, он характеризует не все изменения в отдельности, но общую тенденцию развития языка, его грамматико-звукового и лексического строя.

Характер воздействия общественных факторов (формаций, идеологий, мифологических и религиозных взглядов, революционных и эволюционных перемен, различных видов практической деятельности, государственных, классовых и других структур и т. д.), которые оказывают наиболее значительное влияние на язык, пока изучен мало. Этот факт наглядно показывает различие между понятиями «социальная лингвистика» и «социолингвистика». В то время как для социальной лингвистики общественные категории представляют хотя и важный, но все же внешний по своему характеру импульс языкового движения, для современной социолингвистики социальные факторы являются основной движущей силой развития языка, при этом в исследовании социальных факторов социолингвистика опирается не только на собственные методы, но также на методы и процедуры ряда смежных дисциплин (социологии, социальной психологии, теории практической деятельности человека — праксеологии и т. д.).

Именно изучая социальные факторы языковых изменений, можно обнаружить специфические черты разных школ социальной лингвистики. Советские языковеды уделяют с 20-х годов наибольшее внимание тем процессам, которые произошли и происходят в языке (особенно в лексике)[4] после Октябрьской революции. В рамках пражской концепции литературного языка и функциональных стилей важнейшими внешними факторами считаются культура, философско-религиозная, научная, политическая и

---

[3] Ср:. V. S k a l i č k a, Vztah vývoje jazyka k vývoji společnosti, «Problémy marxistické jezykovědy», Praha, 1962; J. V a c h e k, On the interplay of external and internal factors in the development of language, «Lingua», XI, 1962.

[4] См.: Ю. Д. Д е ш е р и е в, Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., 1966; сб. «Развитие функциональных стилей современного русского языка», М., 1968.

административно-юридическая сферы человеческой деятельности [5]. На важность всех этих фактов для изучения языка указывают не только американские этнолингвисты, изучающие своеобразие взаимодействия языков и этноса таких народов, как индейцы или австралийцы, но и те ученые, которые занимаются отражением культурных явлений в языках с длительной письменной и национальной традицией.

Существует много работ, авторы которых усматривают важный фактор языковых изменений в сфере территориального (диатопического) и социального (диастратического) расслоения носителей языка. Здесь факты и методы социолингвистики тесно переплетаются с фактами и методами языковой географии и диалектологии, что дает возможность рассматривать язык на фоне наиболее конкретных условий его функционирования. Постепенный переход некоторых диалектологических исследований в область социолингвистики характеризуется тем, что материал изучается не только с точки зрения общелингвистической проблематики, но учитываются также и некоторые социальные характеристики (социальный статус информантов и особенности их языка и речи, обусловленные конкретной ситуацией во время коммуникации).

В сферу факторов, изучаемых социальной лингвистикой, входит изучение роли производственных процессов в развитии языка и анализ профессиональных диалектов, а также жаргонов. Исследование фактов подобного рода приобретает особую важность в процессе постепенной дифференциации функциональных стилей и расширения терминологического слоя лексики в эпоху технического прогресса [6].

Важной составной частью социальной лингвистики является рассмотрение роли таких социальных факторов, как типы государственных формаций, отражаемые в понятиях языковой политики и вообще языковой ситуации, особенно на многоязычных территориях в областях с диглоссией [7]. В двуязычной или многоязычной области на одной государственной территории существуют два или больше языков, каждый из которых обладает в основном всеми функциями, вытекающими из задач общественной коммуникации. Примером могут служить чешский и словацкий языки в Чехословакии: здесь сосуществуют два языка, каждому из которых присущи свои особые функции. В эпоху национального возрождения на чешской языковой территории в функции средства канцелярско-делового общения выступал немецкий язык.

О дву- и многоязычии и диглоссии можно также говорить с точки зрения одного индивидуума, который употребляет один из ему известных языков в зависимости от своих представлений об уместности, престиже и т. п. Решение вопросов, связанных с общей языковой ситуацией, входит в область национальной политики в многонациональных странах с большим количеством языков, находящихся на неодинаковых стадиях своего развития и истории.

В предыдущем изложении мы занимались факторами довольно общего характера, которые преимущественно касались языковой системы и ее функционирования, и реже конкретных явлений, какими являются, например, функциональные стили или непосредственно устные и письменные тексты. В дальнейшем мы попытаемся показать существование фак-

---

[5] B. Havránek, Funkce spisovného jazyka, «Studie o spisovném jazyce», Praha, 1963, стр. 13.

[6] См. об этом особенно: М. Н. Кожина, К основаниям функциональной стилистики, Пермь, 1968.

[7] К термину «языковая ситуация» см.: Л. Б. Никольский, Изучение языковой ситуации как прикладная языковая дисциплина, «Историко-филологические исследования», М., 1965, стр. 125—127.

торов более конкретного порядка, которые в процессе речевой коммуникации находят отражение в структуре и организации текста, в подборе отдельных слоев, конструкций и оборотов и только через эти частные явления (так называемые социолингвистические переменные [8]) влияют на систему языка в целом. Все эти факторы связаны с речевой ситуацией, т. е. с пространственно-временными формами, с социально-психологическими характеристиками общающихся лиц, с их конкретными представлениями и деятельностью. Эти факторы изучаются социальной психологией и теорией языковой коммуникации. Нельзя, однако, упускать из виду того обстоятельства, что теория языковой, точнее речевой «ситуации» и «контекста» явилась предметом изучения лондонской лингвистической школы, связанной с именами ее основоположника Дж. Р. Фирса [9] и его вдохновителя, известного антрополога Б. Малиновского. В основе концепции этого направления лежит введенное Малиновским понятие «фатической коммуникации» [10], обозначающее стремление говорящего связать между собой участников коммуникативного акта, создать речевую ситуацию, поддержать контакт собеседников, учитывая при этом все семантические вариации, связанные с принадлежностью говорящих к той или иной социальной и культурной группировке. Отсюда вытекает и главный объект исследования представителей лондонской школы в сфере социолингвистики — изучаются выражение в языке форм согласия, вежливости и интимности, выражение идиосинкразических характеристик лингвистическими и паралингвистическими средствами, а также конкретных форм языкового взаимодействия в узких общественных группах, т. е. вопросы коммуникативной экологии. Эта линия социолингвистики непосредственно связана с теорией речевой деятельности и речевого контекста, которые наиболее ярко представлены в работах советского исследователя А. А. Леонтьева [11] и румынского лингвиста Т. Слама-Казаку [12].

В связи с понятиями «языковая и речевая ситуация» необходимо упомянуть одно важное лингвистическое направление, которое развивается параллельно с социальной лингвистикой и социолингвистикой, но почти без взаимных контактов. Мы имеем в виду японскую школу языкового существования «гэнго сэйкацу», представители которой издают одноименный журнал. Статьи журнала посвящены таким сферам языковой коммуникации, в которых она наиболее тесно переплетена с жизнью японского общества (в последних номерах журнала, например, поднимаются вопросы, связанные с языком газет, разницей в языке мужчин и женщин, практикой пользования словарем, внедрением заимствованных слов в японскую лексику, изучаются говор Окинавы и острова Хоккайдо, вопросы выражения вежливости и т. д.). Более широкому распространению интересных идей этой школы несколько мешает ограниченность сферой исследования специфических черт японской жизни, однако последние номера журнала «Гэнго сэйкацу» обнаруживают заметное сближение с вопросами, волнующими европейские и американские направления социолингвистики [13].

---

[8] V. L a b o v, The study of language in its social context, «Studium generale», 23, 1970.

[9] J. R. F i r t h, On sociological linguistics, сб. «Language in culture and society», The Hague, 1964.

[10] См.: B. M a l i n o w s k i, Phatic communion, сб. «Communication in face-to-face interaction», 1972.

[11] А. А. Л е о н т ь е в, Теория речевой деятельности, М., 1968.

[12] T. S l a m a-C a z a c u, Langage et context, The Hague, 1961.

[13] См.: Н. И. К о н р а д, О языковом существовании, «Японский лингвистический сборник», М., 1959. О сближении «гэнго сэйкацу» с социолингвистикой свидетельствует статья «Америка-но гэнго сэйкацу» («Гэнго сэйкацу», 8, 1973).

Следующей задачей социолингвистики является изучение текстов, целью которых является побудить адресата к определенному речевому и неречевому поведению. Это достигается либо путем аргументации и убеждений, приведением разного рода доказательств, примеров, стилистических приемов (публицистические тексты), либо посредством прямых и косвенных приказов и запретов (директивные тексты: инструкции, указания, уставы, законы и т. д.). В раздел социолингвистики входит, конечно, не только стилистическая сторона этих двух типов текстов, но и весь процесс их функционирования в данной общественной формации, свидетельствующий об организующей роли языковой коммуникации в жизни общества [14].

Суммируя сказанное, дадим общий перечень тех социальных факторов, которые находят свое наибольшее отражение в языке: А) явления общественной макростуктуры: а) экономические формации; их эволюционные и революционные смены; б) государственные институты и национальные объединения; в) область идей (идеологическое, политическое, религиозное, мифологическое мышление); г) явления культуры; д) трудовой процесс, профессиональная дифференциация общества; е) диатопическое и диастратическое членение общества (местные диалекты, социальные диалекты, отражение статуса, роли и функций общающихся индивидов в языке); Б) явления общественных микроструктур (эта область смыкается с областью социальной психологии): экология малых общественных групп (проксемика — пространственные отношения индивидов во время коммуникации, формы их взаимодействия в процессе общения и т. д.); В) индивидуальные явления (эта область смыкается с областью психологии и психолингвистики): идиосинкразические и социально-облигаторные черты языка, стиля и речи, связанные с полом, возрастом, с социальными и психическими характеристиками индивида, с его представлениями, общественными и коммуникативными функциями и т. д.[15].

По мнению большинства представителей указанных выше школ, именно эти факторы являются движущей силой социально обусловленных изменений в языке. Однако определенную роль в формировании социолингвистики сыграли также взгляды и тех лингвистов, которые признают конституирующую функцию в отношении «язык — общество» именно за языком. Речь идет не только о различных направлениях неогумбольдтианства, но также в известной степени о работах Фирса и его последователей, по мнению которых не только ситуация «образует» варианты языка, но также эти варианты «образуют» ситуацию.

Особый раздел социолингвистических исследований представляет изучение отношения социально дифференцированных субъектов к языку и языковая фиксация этих отношений в виде оценочных суждений. Интерес к изучению взглядов на язык со стороны носителей языка — нелингвистов возник сравнительно недавно. Лингвисты, опирающиеся в своих исследованиях на методы современной социологии, пришли к выводу, что даже наивные взгляды на язык являются социальными фактами и что их поэтому нельзя исключать из описания языковой системы и ее функционирования или относить к области психологии и эстетики языка. Именно последовательный анализ этих взглядов и отношений создает предпосылки не только для полного и адекватного анализа языка в рам-

[14] См.: И. К р а у с, П. В а ш а к, Попытка количественной типологии текстов, «Prague studies in mathematical linguistics», 2, Praha, 1967; J. K r a u s, K statistickému rozboru publicistického stylu, SaS, 30, 1969.

[15] Социолингвистика и психолингвистика развиваются до сих пор, к сожалению, почти без взаимных контактов. См.: J. P r ů c h a, Psycholinguistics and sociolinguistics — separated of integrated?, «International journal of psycholinguistics», 1, 1973.

ках дескриптивной (т. е. описывающей прошлое или настоящее состояние языка) лингвистики, но прежде всего в рамках языкового планирования и прогнозирования, т. е. лингвистики прескриптивной.

«До-социолингвистический» опыт отношения к языку характеризуется как неразработанностью критериев исследования языковых фактов, так и отсутствием принципов статистической оценки гомогенности речи исследуемых индивидов. Тот или иной социальный пласт языка оценивался обыкновенно в сопоставлении с другим (якобы «менее совершенным») языковым пластом с точки зрения «чистоты, экономии, звучности, рациональности, регулярности, последовательности, этимологической прозрачности и т. д. Только практика разнообразных форм языковой политики, кодификации и планирования создала предпосылки научного подхода к социолингвистике (опора на языковую теорию, языковой узус). Таким образом, изучение указанной социолингвистической проблематики требует в основном решения двух вопросов: а) установление современных норм и узуса языка и отношения к ним носителей языка, изучение языковой ситуации на данной территории; б) процесс языковой кодификации, опирающийся на результаты познания объективно существующих норм и динамики их развития, языковое планирование и прогнозирование. В пункте (а) данного раздела содержится суть социолингвистической методологии, которую можно понимать (1) в общем плане — как средство изучения данных о всех формах функционирования языковых явлений в обществе и о формах их отражения и (2) в более узком смысле — как совокупность определенных частных операций и процедур. Выбор той или иной методологии обусловлен спецификой наблюдаемого объекта (т. е. языка и общества и их взаимосвязи) и целью исследования [16].

Примером применения методологии в смысле (1) и (2) может служить вопросник, целью которого было изучение взглядов носителей языка на современную чешскую орфографию [17]. Вопросник был подготовлен работниками Института чешского языка в тесном сотрудничестве с Институтом демографии. Подготовка вопросника была обусловлена требованиями орфографических комиссий, а также требованиями широкой публики, которая считает сложность орфографических правил важным препятствием рационализации письменного общения. Важность подобного рода исследований в чешской среде особенно важна в связи с давним интересом к орфографии, знание которой считается частью общественного престижа.

Отметим сначала некоторые технические черты вопросника. В нем участвовали: а) исследователи — авторы вопросника и ассистенты, заполнявшие бланки вопросника на основе работы с информантами, б) информанты (1960 человек разных профессий — постоянных сотрудников демографических исследований, избранных на основе профессиональной, возрастной, территориальной и половой принадлежности, а также — для сопоставления — еще 40 специалистов — сотрудников Института чешского языка). Исследователи и информанты работали на основе прямого наблюдения, интервью, вопросника, анкеты, анализа документов и ком-

[16] J. K r a u s, Les aspects méthodologiques de la sociolinguistique, «Travaux linguistiques de Prague», 5 (в печати).

[17] A. T e j n o r, Český pravopis a veřejné mínění, «Naše řeč», 1969. См. также: A. T e j n o r et al., Přejatá slova a veřejne mínění, «Naše reč», 1972; J. K r a u s, Меры оценки публицистических текстов, «Prague studies in mathematical linguistics», 3, Praha, 1972; R. B u c h t e l o v á, Příspěvek k aplikaci některých sociolingvistických metod na výzkum výslovnosti slov přejatých, SaS, 32, 1971. В советской социолингвистической литературе с методологической точки зрения особенно важны работы: «Русский язык и советское общество (Социолингвистическое исследование)», М., 1968 и Л. П. К р ы с и н, Русский язык по данным массового опроса (проспект), М., 1968.

бинации этих средств. При формулировке вопросов, естественно, учитывалась семантическая проблематика.

Выполнение всех задач, которые вытекают из технических принципов исследования, является важной предпосылкой получения удовлетворительных результатов, превысивших в данном случае практические цели вопросника. С точки зрения общей лингвистической теории можно, опираясь на данные эксперимента, установить функции графематических систем в общественной коммуникации, выявить сильные и слабые стороны орфографической кодификации, вызывающие затруднения в школьной и редакционной практике и т. д. С социологической точки зрения, можно обнаружить лингвистические взгляды широких масс носителей языка, их толерантность или, наоборот, приверженность традиции, их стабильность или лабильность, объективность или субъективность оценок, расхождение оценок и действительного узуса у испытываемого индивида и т. п. Совместное рассмотрение лингвистических и социологических данных, а также статистическая корреляция отдельных ответов информантов создает методологическую базу социолингвистики как интердисциплины, которая стремится к наиболее полному описанию языковых структур, взаимосвязанных с социальными и психическими характеристиками носителей языка. Именно это является главным и необходимым условием кодификации как научной деятельности, отражающей объективно существующие языковые нормы [18]. С кодификацией тесно связана проблематика языкового прогнозирования, изучающего перспективы развития норм языка и его функций в данном обществе. Решение этих вопросов в советской лингвистике, которая сразу же после Октябрьской революции столкнулась с необходимостью расширить сферу бесписьменных языков, является убедительным примером интердисциплинарного подхода к проблемам языковой политики [19].

Наряду с кодификацией и прогнозированием надо упомянуть еще одну важную область социолингвистики, а именно культуру языка и речи [20]. Ее роль сильно возрастает прежде всего в странах, в которых разрешены основные вопросы языковой политики, но где происходят коренные социальные изменения в структуре населения. В социалистических странах можно в качестве примера этих изменений привести постепенное разрушение противоречий между литературным языком и его областными и социальными вариантами, пополнение языка лексическими интернационализмами, изменение форм обращения и вежливости и, наконец, все возрастающее участие трудящихся в активной общественной коммуникации и важную роль средств массового общения.

В заключение необходимо подчеркнуть прикладное значение социолингвистики, открывающей большие возможности сознательного регулирования языкового развития, т. е. планирования и кодификации как

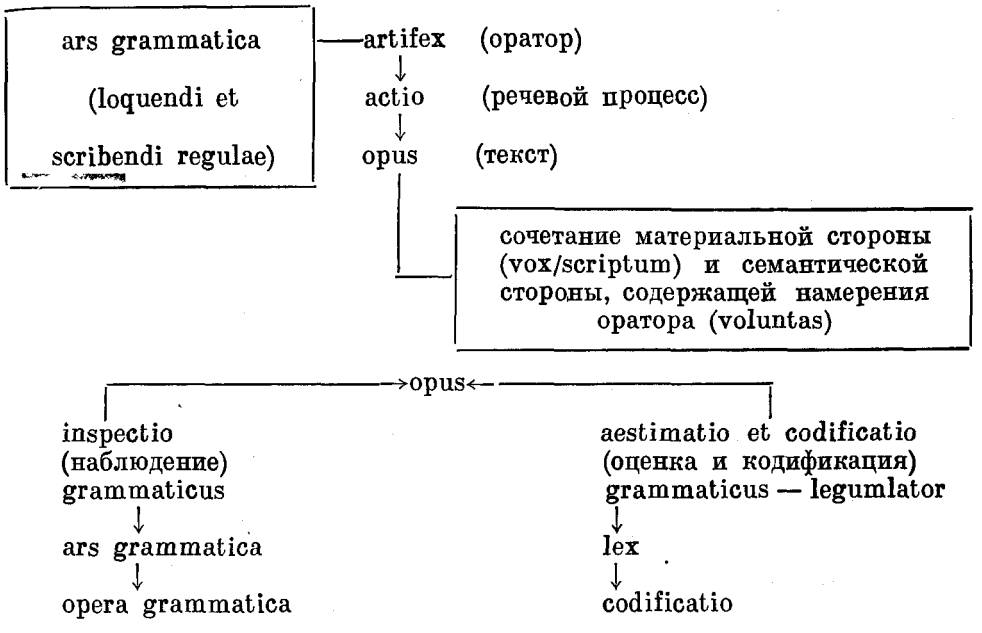
[18] К проблематике нормы см.: В. М. Русановский, Вопросы нормы на разных этапах истории русского языка, ВЯ, 1970, 4; K. Horálek, Jazyk jako systém a norma, «Naše řeč», 55, 1972; A. Jedlička, Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika variantnosti normy, SaS, 29, 1968.

[19] См.: Ю. Д. Дешериев, Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., 1966; его же, Развитие младописьменных языков народов СССР. «Младописьменные языки народов СССР», М., 1959. Об общем подходе к вопросам языкового планирования см.: V. Tauli, Introduction to a theory of language planning, Uppsala, 1968; Ju. D. Dešeriev, Die sowjetische Methodologie, Theorie und Praxis der Plannung und Prognostizierung der sprachlichen Entwicklung, «Zur Soziologie der Sprache», Opladen, 1971; L. B. Nikol'skij, Prognose und Plannung sprachlicher Entwicklung, там же.

[20] В. Г. Костомаров, Проблемы культуры речи, сб. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968; A. Stich, Česká jazykověda a jazyková kultura za půlstoletí, SaS, 29, 1968.

необходимых условий эффективной и рациональной коммуникации в современном обществе.

Возникает вопрос, является ли современная социальная лингвистика действительно первым опытом решения поставленных здесь задач. Как известно, еще до того как лингвистика сложилась в качестве самостоятельной науки, она была тесно переплетена с жизнью общества, с его историей и культурой. Примером может служить деятельность Брунетта Латини и его последователя Данте, приведшая к использованию итальянского языка вместо средневековой латыни в художественной литературе Италии XIII в., деятельность Ломоносова в разработке норм русского языка и его стилистического расслоения, работы чешских языковедов Добровского и Юнгмана в эпоху национального возрождения и мн. др. Несмотря на то, что исторические предпосылки современной социолингвистики коренным образом отличаются от лингвистических идей прошлого, нам хотелось бы указать на одну дисциплину, риторику [21], в которой можно обнаружить поразительную аналогию двум разделам социолингвистики — 1) взаимоотношению языковых и социальных факторов и 2) познавательному отражению языковых явлений. Иллюстрацией первого раздела может служить «Риторика» Аристотеля, в которой анализируются свойства личности ритора, характер его слушателей и пути аргументации, служащей для воздействия на аудиторию с целью утверждения или, наоборот, разрушения определенного социального равновесия («консенса»). Второй раздел социолингвистики находит интересную аналогию в положениях систематика античной риторики — Квинтилиана, автора компендиума «Ars oratoria», в котором речевой процесс, его познание и оценка отражаются в виде следующей схемы:



Категории lex и codificatio основаны на оценочной деятельности грамматиста, которая руководствуется критериями, формулируемыми Квинтилианом в следующих терминах, относящихся к языку (lingua) и тексту (sermo): ratio — логическая и синтаксическая ясность; vetustas — соот-

[21] Ср.: H. Lausberg, Handbuch der literarischen Rhetorik, München, 1960.

ветствие исторической традиции и процессу языкового развития; auctoritas — следование примеру классиков; consuetudo — узус лучших современных авторов и ораторов. В цитате из Квинтилиана («Ars», 1, 6, 45): «consuetudinem sermonis vocabo consensum eruditorum, sicut vivendi consensum bonorum» — ясно намечена практика общепризнанного подхода к языковому нормированию, которое опирается или на теоретическую и практическую деятельность лингвистических институтов (consensus eruditorum), или на узус лучших мастеров художественного и публицистического слова (consensus bonorum).

Приведенный пример не ставил себе, конечно, целью довести «родословную» современной социолингвистики, которая является сочетанием теоретических и эмпирических подходов к языку, до эпохи античности. Мы хотели только показать, что основная проблематика социолингвистики — взаимосвязь языка и общества, изучение языка как важнейшего человеческого атрибута, уже ставилась на самых ранних этапах развития языкознания.